

Как управлять будущим? Операторы среднего уровня и эксперименты

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА

Университет Нархоз, Алматы, Казахстан;

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н. А. (2025) Как управлять будущим? Операторы среднего уровня и эксперименты. *Социология власти*, 37 (2): 47–68.
EDN: FVGUYG

For citation:

Volkova N. A. (2025) How to Manage the Future? Mid-level Operators and Experiments. *Sociology of Power*, 37 (2): 47–68.

Поступила в редакцию: 24.04.2025;
прошла рецензирование: 27.05.2025;
принята в печать: 30.05.2025
Received: 24.04.2025; Revised:
27.05.2025; Accepted: 30.05.2025

© Volkova N. A., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Данный текст работает как комментарий к двум публикациям этого номера: статьям Степана Козлова, который вводит концепт «операторов среднего уровня», и Марии Волковой, которая показывает, как этот концепт применим в рамках гоффмановского подхода к описанию групповых стилей. Опираясь на работы Бурдье, Козлов описывает операторов среднего уровня как инструменты управления неопределенностью, но не раскрывает механизмы их воздействия на форму неопределенности. Разделяя предложенный подход, данный текст показывает, как возможно расширить действие предложенного концепта, опираясь на идеи Роберта Мертона и исследований науки и техники (Science and technology studies, STS). Обращение к экспериментальному характеру операторов среднего уровня позволяет рассматривать их как основу для реконцептуализации теорий среднего уровня как инструмента исследований, имеющего не только прикладное, но и концептуальное значение. На примере экспериментов, описанных в STS, представлено действие оператора среднего уровня, если речь идет об ограниченной неопределенности или способах ее ограничения в ходе эксперимента. Анализ российской градостроительной реформы как кейс сложно сконструированного и длительного эксперимента демонстрирует, как выделение оператора среднего уровня, объединяющего разные масштабы изменений, позволяет определить конструирование образа будущего как основное направление действия реформы

и механизмы сдерживания изменений, которые приводят к ее затуханию. Таким образом, концепт оператора среднего уровня позволяет сместить акцент социальных исследований на эмпирические кейсы и служит инструментом для формализации их концептуальных возможностей.

Ключевые слова: градостроительная реформа, эксперимент, Science and technology studies, Роберт Мертон, теории среднего уровня

How to Manage the Future? Mid-level Operators and Experiments

Nataliya A. Volkova

Narkhoz University, Almaty, Kazakhstan;

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>

48

Abstract: This text serves as a commentary on two articles in this issue: Stepan Kozlov's work, which introduces the concept of "middle-level operators" based on Bourdieu's texts, and Maria Volkova's article, which demonstrates the applicability of this concept within a Goffmanian approach to describing group styles. Kozlov describes middle-level operators as tools for managing uncertainty but does not reveal the mechanisms of their impact on the form of uncertainty. Building on this approach, the present text shows how the concept can be extended by drawing on Robert Merton's ideas and Science and Technology Studies (STS). Examining the experimental nature of middle-level operators enables us to reconceptualize middle-range theories as research tools with both applied and conceptual significance. Drawing on experiments described in STS, the text demonstrates how middle-level operators function under conditions of limited uncertainty and the ways this uncertainty can be constrained during experimentation. The analysis of Russian urban planning reform as a case of complex, long-term experimentation shows how identifying middle-level operators that combine different scales of transformation allows us to recognize the construction of future images as the reform's primary direction and to identify mechanisms of change restraint that lead to its decline. Thus, the concept of middle-level operators shifts the focus of social research toward empirical cases and serves as a tool for formalizing their conceptual potential.

Keywords: urban planning reform, experiment, science and technology studies, Robert Merton, middle-range theories

Управляя неопределенностью

В двух статьях, опубликованных в этом номере, Степан Козлов предлагает концепт «операторов среднего уровня», развивая

его из перспективы рефлексивной социологии Бурдьё (Козлов, 2025), а Мария Волкова показывает, какой объяснительной силой обладает этот концепт за пределами бурдьевистского языка, на примере концепции групповых стилей Элиасоф и Лихтермана ((Волкова, 2025), а также (Eliasoph & Lichterman, 2003)).

Основным условием выделения операторов среднего уровня из «фона теоретических моделей социальных трансформаций» Козлов называет возвращение к теоретизации «неопределенности как неопределенности» (Козлов, 2025, с. 27) и анализ трансформаций на уровне операций, а не на уровне фиксации их влияния в социальных структурах и способах организации. Смещение фокуса внимания с последствий трансформаций на операцию их протекания позволяет решить сразу несколько теоретических и методологических проблем, характерных для евроамериканской социологии второй половины XX века. Во-первых, как и показывает Козлов, выделение операторов именно на среднем уровне позволяет связать между собой макро- и микроуровень, переходя «от разрывов повседневности к структурным трансформациям» (Козлов, 2025, с. 25). Во-вторых, основная операция, благодаря которой становится возможно такое соединение различных масштабов, — это инверсия фигуры и фона, если пользоваться основными понятиями гештальта, что хорошо сочетается с концептом «изобретений» Бурдьё (Бурдьё, 2018, с. 339), на который опирается Козлов, выделяя операторы среднего уровня. Наконец, в-третьих, операторы среднего уровня позволяют сделать видимой работу теорий среднего уровня как значимого, а не промежуточного элемента в эмпирической работе социологов с понятиями критериями объективности ее объяснительных моделей.

49

Это третье следствие из введения концепта операторов среднего уровня не артикулируется Козловым, но кажется существенным для операционализации предлагаемой им схемы. Вопросы, которые остаются к операторам среднего уровня, касаются, прежде всего, их способа действия: каким образом они позволяют управлять неопределенностью, поддерживая, а не редуцируя ее изменчивый характер?

В трех кейсах, которые Козлов приводит в статье, операторами среднего уровня попеременно оказываются «понятия... которые описывают системы культурных оппозиций» у Жизель Сапиро (Sapiró 2022, p. 317), пространственные различия, укорененные в пространстве Тель-Авива у Натана Марома, и китайская практика гуаньси, которая организует отношения обмена услугами и их публичное признание. Во всех трех кейсах можно наблюдать, что операторы среднего уровня позволяют редуцировать комплексность символических, пространственных или институциональных отношений, тем самым снижая степень неопределенности. Однако, по-

скольку их действие не является регламентированным и обладает широкими возможностями для интерпретации, можно также предположить, что они трансформируют неопределенность из одной формы в другую. В тексте Марии Волковой показано, как подобная трансформация неопределенности начинается с поломок и сбоев в коммуникации, которые создают локальные разрывы и ситуации амбивалентности и могут служить источниками социальных инноваций (Волкова, 2025). Но именно форма преобразования неопределенности, которая описывает действие операторов среднего уровня, остается за рамками рассмотрения обоих текстов.

Далее, развивая идею Козлова и ее приложение к концепции групповых стилей, которое предлагает Волкова, будет показано, что форму управления неопределенностью, которая возникает при действии операторов среднего уровня, можно описать как экспериментальную или определяющую ее границы. Экспериментальность действия определяется не только характером неопределенности, но и способами организации эксперимента. Необходимо уточнить, как именно проходит эксперимент и что описание действия операторов среднего уровня как экспериментальных добавляет к их пониманию (Merton, 2007). Чтобы показать это, далее будет дана краткая экспликация различных способов описания экспериментов в евроамериканской социологии второй половины XX века, начиная с докторской диссертации Мертон (Merton, 1938), продолжая идеями эпистемологического эксперимента Бурдь (Bourdieu, 2004) а также идеями экспериментирования в STS, развивающимися с начала 1980-х годов (Shapin, Schaffer, 2011).

Сочетание идей оператора среднего уровня Бурдь с описанием эксперимента в STS позволяет наглядно показать, что введение этого концепта не только имеет метатеоретическое значение и работает для разных теоретических языков, но также позволяет выделять теории среднего уровня как основу для пересборки социологии как единого дисциплинарного поля, которая начинается в 1980-х годах.

Средний уровень: эксперименты и неопределенность

Эксперимент: пуританская техника

Исследование естественнонаучных экспериментов в социологии впервые вводит Мертон в своей докторской диссертации и книге, изданной на ее основе (Merton, 1938). В диссертации и более поздних работах на ту же тему Мертон показывает, что одним из факторов появления британской эмпирической науки стало пуританство и тот тип утилитарной этики, о котором писал Вебер. При этом, поскольку в основе веберовской трактовки протестантской этики

лежала неопределенность, связанная с предназначением, которое было уготовано каждому верующему, калькуляции, которые позволяли оценивать вероятность того или иного исхода (Вебер, 2017, с. 25-43), можно было назвать экспериментальной, или эмпирической проверкой утверждения о (не)избранности.

Тезис Мертон о том, что в основе развития английской эмпирической науки лежала пуританская этика, активно критиковали историки науки, поэтому он отстаивал его очень осторожно, показывая, что пуританство было только одним из факторов в становлении научного метода и этим фактором могла бы быть другая религия и идеология (Merton, 1936). В то же время Мертон утверждал, что английская эмпирическая наука породила тот тип знания, который он позже описывал как «теории среднего уровня». К теориям среднего уровня Мертон относил те, которые не претендуют на универсальные объяснения и имеют строгие ограничения для применения, учитывая специфические условия и обстоятельства (Merton, 2007).

Однако Мертон не раскрывает социальные механизмы установления знания в эмпирической и экспериментальной науке, ограничиваясь этическими предпосылками. В отличие от него, Шейпин и Шеффер показывают именно социальную механику естественно-научного эксперимента на примере эксперимента Бойля, который доказывал существование вакуума (Shapin, Schaffer, 2011). Чтобы подтвердить результаты своих экспериментов и получить научное признание, Бойль использует три техники оправдания: материальную, сконструировав воздушный насос и организовав публичные демонстрации эксперимента с ним; литературную, описывая в деталях свой эксперимент и его вариации; и, наконец, социальную, выбирая респондентов для переписки, чей голос и авторитет были бы значимыми для формирования научного сообщества и научного авторитета (Law, 2015).

Таким образом, эксперимент Бойля выходит за границы научных изысканий и лаборатории, а пространство, в котором он существует и признается, расширяется до всей Европы. Если предполагать, что Шейпин и Шеффер продолжают придерживаться идеи Мертона об эмпирических теориях как о теориях среднего уровня (Shapin, 1988), то возникает вопрос, что означает при наличии широкой поддержки «срединность» теории и чем она ограничивается?

От дискурсивной к описательной эпистемологии

Ответ на вопрос о том, как при широте охвата сохраняют ограничения, можно найти у Алперс, книгу которой о живописи в Нидерландах XVII века Шейпин и Шеффер также упоминают (Алперс, 2022; Shapin, Schaffer, 2011). Алперс говорит о противоборстве в XVII

веке двух эпистемологий: южной, итальянской, дискурсивной, опирающейся на слова, и северной, описательной, для которой важны техники и методы описания. И если дискурсивная эпистемология обращается к универсальности понятий, то описательная эпистемология делает акцент на деталях, локальных особенностях, эмпирических и практических наблюдениях, избегая значительных обобщений.

Принцип действия описательной эпистемологии Алперс разбирает на примере кейса двух астрономов — Кеплера и Тихо Браге, у которого Кеплер служил помощником в 1600 году (Алперс, 2022, с. 81). Согласно наблюдениям Браге, диаметр Луны во время солнечного затмения казался меньше, чем обычно, хотя было известно, что Луна не меняет размера и удаленности от Земли. Решение, которое предложил Кеплер для этой энигмы или парадокса, было само по себе парадоксальным: он сделал акцент на том, чтобы оценивать точность оптики прибора, а не ставить под вопрос наблюдаемый объект и его характеристики. Таким образом, Кеплер доказал, что в наши способы наблюдения и описания заложены искажения и ошибки, которые могут мешать воспринимать узнаваемое.

52

Рассматривая эксперимент Бойля из этой перспективы, можно утверждать, что Шейпин и Шеффер смещают акцент с предмета эксперимента (доказать, что существует вакуум, то есть возможность отсутствия воздуха в емкости) на насос, который он сконструировал, и язык, который он предлагает для описания конструкции насоса и самого эксперимента (Shapin, Schaffer, 2011). В ходе эксперимента становятся видимыми локальные ограничения ситуации, связанные с профессиональным дискурсом (описание экспериментов и результатов) и техническими ограничениями (способы конструирования и изображения насоса, по которым его собирают). Эти ограничения, как показывают Шейпин и Шеффер, действуют независимо от места проведения эксперимента — в Англии или на материке, поскольку теория среднего уровня ограничена в данном случае социально — языком описания, который выступает как техника репрезентации эксперимента (Shapin, 1984).

Таким образом, неопределенность, которая возникает в ходе эксперимента Бойля, работает на срединном уровне и может быть ограничена и управляться материальными (например, лаборатории) или социальными границами (например, профессиональной техникой репрезентации). Материальные или социальные границы позволяют управлять неопределенностью и являются операторами среднего уровня в том смысле, что они задают границы среднего уровня и не позволяют отклониться в сторону макроописаний структуры или микроописаний практик (Козлов, 2025).

В то же время сохраняется вопрос, как операторы среднего уровня работают с искажениями, которые порождают накладываемые ограничения, и можем ли мы считать операторами только границы, или же только сами объекты (практику гуаньси или символические оппозиции (Там же)), или границы и объекты оказываются взаимосвязаны? Далее возможности операционализации оператора среднего уровня будут рассмотрены на примере кейса российской градостроительной реформы и ее ключевого регулирующего инструмента — правил землепользования и застройки¹.

Однако прежде чем перейти к описанию кейса, покажем в текстах Бурдые соотношение между экспериментами и операторами среднего уровня.

Эксперименты и изобретения Бурдые

Для Бурдые экспериментальный подход был, прежде всего, связан с его описанием исследовательского и жизненного опыта пребывания в Алжире. Как пишет Татьяна Богущ, экспериментализм Бурдые в Алжире не был теоретическим, а скорее происходил из практических нужд и наблюдаемого несоответствия между концептуальным языком европейской и американской социологии и антропологии и локальными способами описания практик (Bogusz, 2018).

53

Практическое значение экспериментального подхода Бурдые было связано также с необходимостью снижать степень неопределенности во французском колониальном управлении Алжиром. Так, в Алжире не существовало важного для французской системы администрирования различия между человеком с постоянной работой и безработным. Это делало проблематичным учет рабочей силы, а также оценку экономических и социальных эффектов: чтобы организовать статистику, требовалось этнографическое изучение местных обычаев и порядков, чтобы описать его на языке французской бюрократии и тем самым сделать управляемым (Wacquant, 2004).

В этом случае понятия французской бюрократии в Алжире, так же как и у Жизель Сапиро, работали как операторы среднего уровня, но их способ работы был определенно экспериментальным. Необходимо было понять, где проходят границы применимости устоявшихся бюрократических понятий и как можно организовать перевод между двумя не пересекающимися логиками описания одного события.

¹ В основе этой части лежат материалы исследования, проведенного в 2020–2021 годах, а также материалы развития градостроительной реформы, которые анализировала в ходе подготовки кандидатской диссертации.

Другой пример обращения Бурдьё к идее эксперимента можно найти в обсуждении Номо Academicus с Луи Ваканом, где Бурдьё описывает свой научный путь как «эпистемологический эксперимент». Бурдьё описывает суть этого эксперимента как перенос экспериментальной практики по изучению алжирских крестьян на знакомую ему среду: «сделать обыденное экзотическим, а экзотическое обыденным» (Wacquant, 1989, p. 33). Этот подход Бурдьё можно соотнести с тем, что Степан Козлов называет принципом гештальта и описывает как основную функцию операторов среднего уровня — перевод фона (обыденного) в фигуру (экзотическое) (Козлов, 2025, с. 20).

Описывая процедуру перехода из фона в фигуру, Козлов подчеркивает, что оператор среднего уровня является также «изобретением» в терминологии позднего Бурдьё (Там же). При этом «изобретения» работают как «ваза Рубина», то есть обладают двумя равноценными способами прочтения, что дает им возможность полноценно действовать в различных взаимоисключающих друг друга ситуациях. Это делает операторов среднего уровня потенциально мобильными и позволяет говорить о них как о мобильной технике, путешествующей между различными сетями.

54

Такие «мобильные техники» наиболее полно описывает Ло на примере португальского галеона, который перемещается между Европой и Индией, и зимбабвийского насоса, который путешествует между Европой и Африкой (Ло, Вахштайн¹, 2006). Перемещения этих объектов становятся возможны только за счет их встроенных механизмов изменчивости: у галеона жесткая оболочка и гибкое ядро, а у насоса — жесткое ядро и гибкая оболочка-периферия. Однако Ло не просто описывает эти две техники: его описание, которое основывается на единой структуре мобильных объектов, состоящих из оболочки и ядра, позволяет отнести их к единому классу объектов, у которых характеристики структурных элементов могут меняться на свою противоположность (жесткий/гибкий).

Если пользоваться терминологией Козлова, этот класс объектов работает на срединном уровне и является его оператором. В то же время анализ Ло позволяет более детально описать действие операторов среднего уровня как «изобретений» Бурдьё: два равноценных и взаимоисключающих способа прочтения задают границы для градиента возможных конфигураций изобретения. Тогда множественность интерпретаций делает объект изобретением, поскольку создает неопределенность и сбои в коммуникации, которые запу-

1 В. С. Вахштайн включен Минюстом в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

скают эксперимент и становятся источником социальных инноваций (Кузнецов, Шайтанова, 2012). В этом смысле методология Бурдье работает точно так же, как социальная инновация, которая обрела устойчивость в результате его эксперимента в Алжире и переноса его принципов на французскую и европейскую почву.

Оператор среднего уровня: операционализация неопределенности

Если принять в качестве рабочей гипотезы экспериментальный характер действия операторов среднего уровня, то можно предположить, что они могут действовать не только в процессе коммуникации социальных акторов, но и когда в фокусе анализа оказывается мобильная техника. При этом остается вопрос, в чем их особенность и как они изменяют сложившееся представление о теориях среднего уровня как об инструменте прикладных исследований, не имеющих потенциала для расширения выводов на другие кейсы (Филиппов, 2002).

Отчасти ответом на этот вопрос может служить уже упоминавшийся способ сопоставления двух различных кейсов «мобильной техники» — «португальского галеона» и «зимбабвийского насоса», реализованный Ло (Ло, Вахштайн, 2006). Необходимо отметить, что между двумя кейсами, которые рассматривает Ло, и исследованиями, на которых основано описание, прошло более 15 лет (Law, 1984; De Laet, Mol, 2000). При этом, если проследить историю дискуссий в ANT и STS (Мол, Писарев, 2018) по поводу «мобильной техники», то можно отметить, что кроме двух упоминавшихся кейсов было также несколько промежуточных кейсов Латура (2017), Ло, Мол (1994) и Арчер (1989), которые показывают этапы развития концепта и перехода между двумя пограничными примерами «мобильной техники».

Множественность и неопределенность интерпретаций «мобильной техники» как оператора среднего уровня и как «изобретения» становится видимой благодаря наложению ее различных версий. Каждая из этих версий тестирует границы изначального определения, которое содержит две взаимоисключающие характеристики — мобильность/изменчивость и неизменность/техничность. Тогда неопределенность конструируется как оператор среднего уровня, который реализуется в пространстве взаимоисключающих признаков. Но операционализируется неопределенность через развертывание изменений во времени в виде траектории движения оператора среднего уровня (объекта или концепта), через экспериментальное тестирование ограничений его действия.

Если вернуться к параллели между оператором среднего уровня и теориями среднего уровня, то, согласно классическому определению, они описывают взаимодействие с конкретными объектами или концептами в конкретной ситуации (Riley, Merton, 1963, p. 16). Однако, следуя логике Ло и его коллег, объекты исследования сами по себе не являются определенными, если они сочетают материальные и социальные черты (Law, 2009). В результате в рамках теорий среднего уровня тестируются границы определения объектов и подвижность концептов. Теории среднего уровня, таким образом, перестают быть жестко определенными и ограниченными областями исследований. Наоборот, они ориентированы на работу с неопределенностью границ и эксперименты со своими объектами, которые они изобретают и переизобретают в процессе исследования, — знанием, наукой, рабочим классом, городом, психиатрией, религией, методами исследования или другими явлениями социальной реальности (Гаазе, Колозариди, 2020).

Кейс градостроительной реформы: временная и пространственная неопределенность

56

Вопрос об историческом кейсе: техники описания

Российскую градостроительную реформу 2004–2016 годов можно описывать как эксперимент с двух позиций. С одной стороны, она связывала два параллельных процесса: экономические рыночные реформы, начавшиеся в 1990-х годах, и административные реформы 2000-х годов. С другой стороны, градостроительная реформа экспериментировала с градостроительным регулированием, через введение нового инструмента — Правил землепользования и застройки, которые встроились в структуру градостроительной документации между долгосрочным документом Генерального плана и краткосрочными Проектами планировки.

В первом случае градостроительная реформа развивается на протяжении 1990-х годов как инструмент привлечения инвестиций, систем ипотеки и кредитования и развития банковской системы. Так, с начала 1990-х годов разрабатываются экспериментальные формы градостроительной документации, а в 1998 году принят первый Градостроительный кодекс. Однако полноценно процесс привлечения инвестиций в города стал возможен только после принятия Земельного кодекса РФ (2001), создав правовые основания для передачи земли в собственность (Медушевский, 2002). Косарева и Трутнев пишут, что для развития системы ипотечного кредитования (по аналогии с развитием банковского сектора в США в XX веке (Косарева, Трутнев, 2005; Раджан, 2013)), которая является локомотивом банковского сек-

тора, «...необходимо отказаться от практики выделения земельных участков для строительства на период, ограниченный длительностью строительства. Предоставление таких земельных участков на правах долгосрочной аренды или собственности позволит повысить ликвидность активов застройщиков, которые могут быть использованы в форме залога, и привлечь в строительный сектор дополнительные кредитные и инвестиционные средства» (Косарева, Трутнев, 2003, с. 100-101). Таким образом, в основе градостроительной реформы лежала идея передачи городской земли в собственность и активизация за счет этого банковского сектора как основы рыночной экономики.

Однако поскольку градостроительная реформа регулировала отношения в населенных пунктах, она также напрямую зависела от муниципальной реформы 2003–2009 годов (о принципах реформы и ее правовых предпосылках см.: (Гриценко, 2014)). Реформа, основанная на положениях Конституции РФ, изменяла статус местной (муниципальной) власти по сравнению с советским периодом и наделяла ее особыми полномочиями, которые не должны были ограничиваться исполнением решений государственных властей — федеральных и региональных. При этом участие жителей в самоуправлении на местном уровне рассматривалось как основа демократии и вовлечение граждан в решение проблем территориального развития. В рамках градостроительной реформы развитие местного самоуправления воплощалось в наличии процедур согласования — сначала публичных слушаний, а затем общественных обсуждений, которые предполагали участие широкого круга заинтересованных лиц (Сафарова, 2021). При этом само появление подобного элемента в российском градостроительстве описывалось в том числе как коммуникативный поворот: возможность прямой коммуникации между жителями и местной администрации не была предусмотрена унаследованными от позднесоветского градостроительства практиками (Москалева, 2023).

57

Таким образом, градостроительная реформа оказалась элементом, который связывал различные масштабы регулирования, выступая как оператор среднего уровня. Если кейсы операторов среднего уровня Козлова (2025) и Волковой (2025) работали только в пространственном измерении социальных отношений, то особенность градостроительной реформы в ее временной протяженности. В то же время пример с развитием кейса «мобильной техники» Ло показывает, как можно работать с историческим кейсом, опираясь на социологический, а не исторический метод: рассматривая крайние ситуации изменения действующего объекта или объектов (Ло, Вахштайн, 2006).

Для градостроительной реформы таким изменчивым объектом стали «Правила землепользования и застройки» (далее — ПЗЗ), кото-

рые были впервые приняты в 1998 году в Великом Новгороде (Hart, 1998), а к 2023 году основные его положения вошли в состав «Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа» (статья 28.1 Градостроительного кодекса РФ). Циклическое изменение статуса ПЗЗ можно рассматривать как признак завершившегося тестирования или эксперимента той сети отношений в городском планировании, которая осталась в качестве позднесоветского наследия. Однако чтобы раскрыть значение этого эксперимента, необходимо реконструировать его дизайн и показать, какое явление он переопределяет.

Дизайн эксперимента: три версии срединности

58

В отличие от кейсов, которые описывали Козлов и Волкова, в случае градостроительной реформы можно говорить, что речь идет о сетевой мобильности оператора среднего уровня. Если сама градостроительная реформа является оператором среднего уровня для социально-экономических преобразований в России после 1991 года, то внутри нее также можно выделить оператор среднего уровня в виде ПЗЗ, которые встраиваются в систему сложившихся отношений между стратегическим документом Генерального плана и тактическим документом Проекта планировки территории. При этом, поскольку структура документа ПЗЗ, принятая в ходе реформы описана крайне схематично в виде трех элементов — карты, процедуры согласования и параметров — в структуре ПЗЗ также можно выделить набор элементов, который работает как оператор среднего уровня, — процедуры согласования, регламентирующие принятие документа и внесение в него изменений.

Можно предположить, что все три элемента — градостроительная реформа, ПЗЗ и процедуры их согласования — являются разновидностями одного оператора среднего уровня, представленного в различных по масштабу сетях. Ло описывает схожую ситуацию с португальским галеоном следующим образом:

«Например, корабль может быть представлен в виде сети — сети *остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды*. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астролябиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, *штурманами* и звездами, также может быть рассмотрена как сеть. Далее, при еще более отстраненном анализе, вся португальская имперская система в целом, с ее портами и пакгаузами, *кораблями*, военными диспозициями, рынками и купцами может быть описана в тех же категориях» (*курсив — Н. В., жирным обозначены как представлен объект*

на разных масштабах, простым курсивом — как представлены сети) (Ло, Вахштайн, 2006, с. 32).

Португальский галеон путешествует между различными сетями — от команды к точке в навигационной системе и затем к элементу в португальской имперской системе в целом. Если следовать этой аналогии, процедуры согласования переходят от документа ПЗЗ к структуре градостроительного регулирования, в которую встроены документ ПЗЗ, и затем к системе российских реформ, частью которых является реформа градостроительного регулирования. При этом ограничения, описывающие границы среднего уровня для каждого из масштабов, фактически являются теми границами, которые тестируются в ходе эксперимента по введению правового зонирования в российское законодательство. В свою очередь, операторы среднего уровня во всех масштабах организуют форму публичного взаимодействия различных акторов, объединенных различными типами экспертизы — повседневной (публичной), технической или организационной (Семенов, Гилева, 2022).

Таким образом, оператор среднего уровня, который возникает в случае градостроительной реформы, можно определить как практику формализации социальных взаимодействий на каждом из масштабов. Будучи формальной практикой, оператор среднего уровня градостроительной реформы соотносится не только с представлением о среднем масштабе, но также с публичностью как разделяемым пространством, пространством между различными ролей, дисциплин и способов организации (Borch, Kornberger, 2015).

В результате концепт срединности становится подвижным. Средний уровень может быть ограничен фреймом взаимодействия (публичное пространство), крайними значениями (микро/макро-масштабы) или сам становится границей между различными процессами (градостроительная реформа). Однако в отличие от кейса публичного пространства или промежуточного масштаба, оператор среднего уровня, действующий как разграничивающий объект, невозможно наблюдать непосредственно. Перемещаясь, он размечает и индексирует пространство, оставляя в нем следы, по которым можно сконструировать описание текущих и ненаблюдаемых объектов, с которыми он связан¹. Тогда предметом эксперимента становится не столько уточнение границ рассматриваемого социального явления, сколько выявление и определение текущих объектов и формы взаимодействия, которые они задают.

1 Этот кейс напрямую соотносится с идеей не-анатомического пространства и анемией у Ло и Мол, которые затем нашли выражение в индексальном характере зимбабвийского насоса в статье де Лаэт и Мол десятилетие спустя.

В отличие от двух других форм срединности — ограниченной в пространстве и по уровню — индексальный или текучий объект как оператор среднего уровня не ограничен явным образом. Поскольку индексальный или текучий объект не наблюдаем непосредственно, то возможно только наблюдение его действия, которое обретает материальную форму в виде следов-индексов его движения (Lash, 1998). Распределение следов, полученное в результате наблюдения ситуации, выделенной как экспериментальной, описывает пространство нормального действия объекта — средний уровень — и позволяет сделать предположения о способах организации действия объекта и параметрах его отклонения от нормы. В пределах отклонений становится возможным сконструировать представление об экспериментальном, текучем и ненаблюдаемом объекте как множественном, обладающем минимум двумя формами (Лю, Вахштайн, 2006). Чтобы показать, как работает ПЗЗ как текучий объект, нужно рассматривать его как двойственный, где две формы его действия определяют способы и границы изменчивости.

Средний уровень градостроительной реформы: временные горизонты и неопределенность

В случае градостроительной реформы ПЗЗ выступают как оператор среднего уровня, прежде всего, поскольку работают как двойственный объект на разных масштабах. С одной стороны, ПЗЗ это формат документа, который описан в Градостроительном кодексе и имеет единую структуру для всей страны. С другой стороны, ПЗЗ это нормативный акт, характер и наполнение которого меняется в течение всего периода реформы и в зависимости от конкретного муниципалитета, где он принимается.

Две формы действия ПЗЗ задают границы его пространства от макромасштаба федерального законодательства до микромасштаба локальных характеристик территории и социальных отношений. Поскольку ПЗЗ является инструментом градостроительного планирования, обе формы документа связаны с конструированием образа будущего за счет сочетания различных по дальности временных горизонтов планирования: долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных¹. Чтобы координировать эти различные временные рамки и снижать степень неопределенности, каждой из двух форм ПЗЗ соответствует также двойственность, которая отражается в структуре документа (см. рис. 1).

1 В этом смысле городское планирование является набором техник, которые координируются в пространственном и временном измерении, см.: (Bijker, Bal, Hendriks, 2009; Айбар, Бейкер, 2017).

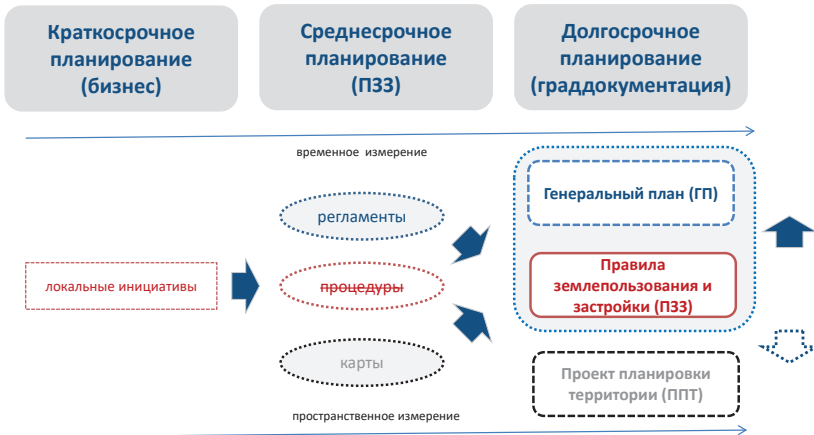

Рисунок 1. Схема переходов между разными уровнями планирования в городском регулировании. Красным обозначены операторы среднего уровня на каждом из масштабов. Голубым — изменения, которые произошли после 2023 года с введением «Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа».

61

Figure 1. Schematic of transitions between different planning levels in urban regulation. Red indicates mid-level operators at each of the scales. In blue are the changes that occurred after 2022 with the introduction of the «Unified document of territorial planning and town-planning zoning of a settlement, municipal district, urban district».

На локальном уровне ПЗЗ трансформируются из документа, который закрепляет договоренности в среднесрочной перспективе, в документ, который позволяет согласовывать и закреплять краткосрочные планы и договоренности. Это противоречит идее реформаторов, для которых основой ПЗЗ было жесткое материальное право, основанное на закреплении регламентов использования земельных участков в зависимости от их отнесения к определенным зонам на картах. Однако практика внесения значительного количества изменений в карты делает основными процедурные аспекты градостроительного регулирования, связанные с согласованием изменений (Семенов, Гилева, 2022).

Тем не менее изменение характера градостроительного регулирования от жесткого регулирования земельных отношений к гибким процедурным нормам остается на уровне правоприменения и не закрепляется в законодательной форме. Подобное изменение отражает работу ПЗЗ как оператора среднего уровня. ПЗЗ работают на среднем уровне, но не с точки зрения пространства, а с точки зрения временного горизонта планирования и упорядочивают поток

частных краткосрочных локальных интересов, позволяя гибко реагировать на резкие изменения. Однако по ходу реформы процедурное изменение градостроительного права становится все менее формализованным и публичным, трансформируясь из публичных слушаний в обсуждения и далее в запрос к муниципалитету о возможности тех или иных изменений (Волкова, 2021).

ПЗЗ как обобщенный формат документа был введен в Градостроительный кодекс 2004 года в минимально формализованном виде с основной целью — упростить формализацию среднесрочного планирования и сделать его публичным. Однако такое понимание ПЗЗ было ориентировано на представление о градостроительном регулировании как о материальном и непосредственно действующем и не было ориентировано на переход к процедурному праву. В результате ПЗЗ стали инструментом не только для уточнения долгосрочных целей, отраженных в генеральном плане, но пространством для внесения изменения в документы градостроительного планирования на основании изменения краткосрочных интересов локальных акторов (Семенов, Минаева, 2019).

62

Невозможность обобщить краткосрочные цели на среднесрочную перспективу и согласовать их с долгосрочными целями на уровне документа ПЗЗ была связана с тем, что ПЗЗ не имели правового процессуального статуса и не могли работать как инструмент для дифференциации целей с различным временным горизонтом. На уровне градостроительной документации возможный формат дифференциации планов по степени детальности был предусмотрен за счет материальных норм: размера участка зонирования и степени вариативности установленных регламентов.

Таким образом, ПЗЗ как оператор среднего уровня в практике правоприменения предполагал трансформацию неопределенности планов за счет перевода краткосрочных локальных инициатив в более устойчивый вид материальных норм. Кроме того, изменение материальных норм и ограничений в ПЗЗ требовало соблюдения процедур согласования этих изменений с градостроительными документами других уровней и другим временным горизонтом планирования. Таким образом, функция ПЗЗ как оператора среднего уровня с течением реформы и усложнением процессов согласования все больше смещалась из публичного пространства в непубличные взаимодействия, для соблюдения формального соответствия нормам процедурного права.

Этот процесс снижения роли ПЗЗ как оператора среднего уровня в качестве отдельного формата регулирования и в качестве локальных нормативных актов завершился включением ПЗЗ в «Единый документ», основой которого стал Генеральный план муниципалитета. При этом можно предположить, что введение «Единого

документа» не предполагает полного отказа от результатов градостроительной реформы, но показывает попытку удержать контроль над регулированием за счет вывода обсуждения и формализации краткосрочных изменений из публичной сферы.

Описание российской градостроительной реформы как эксперимента, где ПЗЗ выполняют роль оператора среднего уровня, делает видимыми попытки организовать управление горизонтами планирования и образами будущего. Город и городское планирование в этом случае представляются лишь наиболее явными примерами такой организации временных горизонтов и образов будущего, где социальные практики в меньшей степени зависят от природных и естественных явлений и в большей — подчиняются регулированию.

Заключение

Описание операторов среднего уровня, предложенное Степаном Козловым, позволяет показать, как возможен экспериментальный дизайн социальных исследований и каким образом он работает как инструмент работы с неопределенностью. Возвращение экспериментального дизайна исследований в социологию дает возможность рассматривать теории среднего уровня как важный элемент эмпирически фундированной теоретической коммуникации в социальных науках. Если теории среднего уровня работают в рамках экспериментального дизайна исследований, то и границы социальных явлений, которые они рассматривают, оказываются предметом тестирования. Таким образом, основной задачей теорий среднего уровня выступает описание изменчивости границ социальных явлений.

В то же время описание операторов среднего уровня как элементов экспериментального исследовательского дизайна позволяет операционализировать и уточнить идею срединности, которая может быть связана как с конкретным пространством-между, показывать промежуточный уровень или являться индексальной отсылкой к текучим и скрытым объектам. Предложенные способы формализации срединности показывают, что в рамках конкретного эксперимента определение того, к какому типу срединности относится оператор, является критичным: от этого зависят способ постановки вопроса и экспериментальный дизайн, а также техники его интерпретации.

Наконец, кейс градостроительной реформы как эксперимента показывает, каким образом изменяется форма неопределенности в рамках эксперимента. Сложная структура кейса, сочетающего систему вложенных операторов и различные формы срединности,

делает видимым, как неопределенность будущего на локальном уровне в виде краткосрочных планов трансформируется в неопределенность на уровне материальных норм. Неопределенность материальных норм воплощается в их техническом описании в виде обобщенных зон на картах и гибких регламентов использования. Таким образом, неопределенность трансформируется устойчивым образом, но не за счет линейного перехода между масштабами разного уровня, а за счет преобразования неопределенности, связанной с временным измерением, в неопределенность в описании пространства.

Ситуация перехода неопределенности между временным и пространственным измерением показывает, что анализ операторов среднего уровня позволяет описывать неявные и текучие объекты, не поддающиеся непосредственному наблюдению. При этом кейс градостроительной реформы, где ПЗЗ выступают как сложный оператор среднего уровня, показывает также, что данная концептуализация позволяет смоделировать идеальную сеть взаимодействий в рамках эксперимента. Однако существенным для описания эксперимента является соотнесение этой идеальной модели работы оператора среднего уровня с социальными практиками, в которых она тестируется, а также определение сбоев в работе операторов среднего уровня, которые становятся видимыми в процессе эксперимента.

64

Список источников / References

Айбар Э., Бейкер У. И. (2017) Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны. *Социология власти*, 29 (1), с. 203-232. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-203-232>. EDN: YPKVUI

— Aibar E., Bijker W.I. (2017) Constructing the City: Cerdà's Plan for the Extension of Barcelona. *Sociology of Power*, 29 (1), pp. 203-232. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-203-232>

Алперс С. (2022) *Искусство описания. Голландская живопись в XVII веке*. М.: V-A-C press.

— Alpers S. (2022) *The Art of Description. Dutch Painting in the Seventeenth Century*. Moscow: V-A-C press. (in Russ.)

Бурдьё П. (2018) *Homo Academicus*. М.: Издательство Института Гайдара.

— Bourdieu P. (2018) *Homo Academicus*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (in Russ.)

Вебер М. (2017) Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранное*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; с. 19-186.

— Weber M. (2017) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; pp. 19-186. (in Russ.)

Волкова М. (2025) Групповые стили как операторы среднего уровня: ситуативные инновации в шаманских организациях. (Комментарий к статье Степана Козлова). *Социология власти*, 2025 (2), с. 32-46.

— Volkova M. (2025) Group Styles as Middle-Level Operators: Situational Innovations in Shamanic Organizations. (Commentary on Stepan Kozlov's Article). *Sociology of Power*, 2025 (2), pp. 32-46. (in Russ.)

Волкова Н. (2021) Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника. *Экономическая социология*, 22(5), с. 54-82. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-55-83>. EDN: VZZYBN

— Volkova N. (2021) Urban Zoning Rules: Legal Variable Technique. *Economic Sociology*, 22(5), pp. 54-82. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-55-83>

Гаазе К., Колозариди П. (2020) *Социальные исследования после метода*. Запись регулярного семинара Research&Write. (<https://youtu.be/7lQhJaBoT44>)

— Gaaze K., Kolozaridi P. (2020) *Social Research After Method*. Recording of the regular Research&Write workshop. (<https://youtu.be/7lQhJaBoT44>). (in Russ.)

Гриценко Е. В. (2014) В поисках утраченных идеалов: российская муниципальная реформа и опыт Германии. *Сравнительное конституционное обозрение*, 6 (103), с. 17-43. EDN: TEDWQZ

— Gritsenko E. V. (2014) In Search of Lost Ideals: Russian Municipal Reform and German Experience. *Comparative Constitutional Review*, 6 (103), pp. 17-43. (in Russ.)

Козлов С. В. (2025) Операторы среднего уровня: социология неопределенности как гештальт-теорема. *Социология власти*, 2025, (2), с. 12-31.

— Kozlov S. V. (2025) Middle-range operators: The sociology of uncertainty as a gestalt theorem. *Sociology of Power*, 2025, (2), pp. 12-31. (in Russ.)

Косарева Н. Б. (2005) Рынок жилья в России: сегодня и в перспективе. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, (3), с. 24-30. EDN: PFRXBN

— Kosareva N. B. (2005) Housing Market in Russia: Today and in Perspective. *Property Relations in the Russian Federation*, (3), pp. 24-30. (in Russ.)

Косарева Н. Б., Трутнев Э. К. (2003) Роль государства в развитии рынка земли и иной недвижимости. *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 7, с. 89-101. EDN: PUNHNB

— Kosareva N. B., Trutnev E. K. (2003) The Role of the State in the Development of Land and Other Real Estate Markets. *Property Relations in the Russian Federation*, 7, pp. 89-101. (in Russ.)

Кузнецов А. Г., Шайтанова Л. А. (2012) Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости. *Социология власти*, (6-7), с. 137-149. EDN: RNIFGP

— Kuznetsov A. G., Shaitanova L. A. (2012) Route Taxi at the Crossroads of Justice Regimes. *Sociology of Power*, (6-7), pp. 137-149. (in Russ.)

Латур Б. (2017) Визуализация и познание: изображая вещи вместе (пер. с англ. М. Маслюковой, М. Расторгуевой, С. Гавриленко). *Логос*, 27(2), с. 95-156. EDN: YMICCL

— Latour B. (2017) Visualization and Cognition: Drawing Things Together (trans. from English by M. Maslyukova, M. Rastorgueva, S. Gavrilenko). *Logos*, 27(2), pp. 95–156. (in Russ.)

Ло Дж., Вахштайн, В. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5 (1), с. 30–42.

— Law J., Vakhshayn V. (2006) Objects and Spaces. *Russian Sociological Review*, 5 (1), pp. 30–42. (in Russ.)

Медушевский А. Н. (2002) Власть и собственность в современной России: принятие Земельного кодекса Российской Федерации. *Конституционное право: восточно-европейское обозрение*. 1, с. 1–13.

— Medushevsky A. N. (2002) Power and Property in Modern Russia: Adoption of the Land Code of the Russian Federation. *Constitutional Law: Eastern European Review*, 1, pp. 1–13. (in Russ.)

Мол А., Писарев А. (2018) Подоплеку и истории. Интервью с Аннмари Мол. В кн.: *Множественное тело. Онтология в медицинской практике* / пер. с англ. В. Гусейновой, Д. Кожемяченко, Г. Коновалова. Пермь: Hyle Press, с. 7–20.

— Mol A., Pisarev A. (2018) Backgrounds and Stories: Interview with Annemarie Mol. In: *The Multiple Body. Ontology in Medical Practice* / trans. from English by V. Guseinova, D. Kozhemyachenko, G. Konovalov. Perm: Hyle Press, pp. 7–20. (in Russ.)

Москалева С. М. (2023) Урбанистика в контексте социальных трансформаций градостроительной деятельности (2008–2021 годы). *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 15(3), с. 31–48. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2>. EDN: CPHWOC

— Moskaleva S. M. (2023) Urban Studies in the Context of Social Transformations of Urban Planning Activities (2008–2021). *Interaction. Interview. Interpretation*, 15(3), pp. 31–48. (in Russ.) <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.2>

Раджан Р. Г. (2013) *Линии разлома: скрытые трещины, все еще управляющие мировой экономикой*. М.: Изд. Ин-та Гайдара.

— Rajan R. G. (2013) *Fault Lines: Hidden Fractures Still Governing the World Economy*. Moscow: Gaidar Institute Press. (in Russ.)

Сафарова М. Д. (2021) Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения. *Городские исследования и практики*, 6(2), с. 65–83. <https://doi.org/10.17323/usp62202165-83>. EDN: FRDPQC

— Safarova M. D. (2021) Citizen Participation in Urban Regulation: Theory and Practice of Legislative Support. *Urban Studies and Practices*, 6(2), pp. 65–83. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/usp62202165-83>

Семёнов А. В., Гилёва А. И. (2022) Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма. *Экономическая социология*, 23(4), с. 73–95. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-73-95>. EDN: AYQDRW

— Semenov A. V., Gileva A. I. (2022) Russian Urban Planning Tools from the Perspective of Sociological Institutionalism. *Economic Sociology*, 23(4), pp. 73–95. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-73-95>

Семенов А. В., Минаева Э. Ю. (2019) Стратегические инструменты городского планирования и гражданское участие в России. В *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений* (с. 152–158). Вологда: Вологодский центр РАН. EDN: VASYSQ

— Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2019) Strategic Urban Planning Tools and Civic Participation in Russia. In *Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions* (pp. 152–158). Vologda: RAS. (in Russ.)

Филиппов А. Ф. (2002) Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия. *Полития*, 2, с. 97–117.

— Filippov A. F. (2002) Political Sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts. *Politeia*, 2, pp. 97–117. (in Russ.)

Akrich M. (1989) La construction d'un système socio-technique. Esquisse pour une anthropologie des techniques. *Anthropologie et sociétés*, 13(2), pp. 31–54. <https://doi.org/10.7202/015076ar>

Bijker W.E., Bal R., Hendriks R. (2009) *The Paradox of Scientific Authority: The Role of Scientific Advice in Democracies*. Cambridge, MA: MIT press.

Bourdieu P. (2004) Algerian landing. *Ethnography*, 5(4), pp. 415–443. <https://doi.org/10.1177/1466138104048826>

Bogusz T. (2018) From crisis to experiment: Bourdieu and Dewey on research practice and cooperation. In *Questions of Practice in Philosophy and Social Theory* (pp. 157–175). Routledge.

Borch C., Kornberger M. (2015) Urban commons. *Rethinking the city. Space, materiality and the normative*.

De Laet M., Mol A. (2000) The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology. *Social studies of science*, 30(2), pp. 225–263. <https://doi.org/10.1177/030631200030002002>

Eliasoph N., & Lichterman P. (2003) Culture in interaction. *American Journal of Sociology*, 108(4), pp. 735–794. <https://doi.org/10.1086/367920>

Hart P. (1998) Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. In M. Miller (Ed.), *Novgorod Regional Investment Initiative*. Available at: <http://users.sussex.ac.uk/~ssfa2/death%20of%20socialism%2013-14.pdf> (Accessed 08.03.2023).

Lash S. (1998) Being after time: towards a politics of melancholy. *Journal for Cultural Research*, 2(2-3), pp. 305–319. <https://doi.org/10.1080/14797589809359301>

Law J. (1984) On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India. *The Sociological Review*, 32(S1), pp. 234–263. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1984.tb00114.x>

Law J. (2009) Actor Network Theory and Material Semiotics. In *The New Blackwell Companion to Social Theory*, ed. by B. S. Turner, (pp. 141–158). Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444304992.ch7>

Law J. (2015) What's wrong with a one-world world? *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, 16(1), pp. 126–139. <https://doi.org/10.1080/1600910x.2015.1020066>

Merton R. K. (1936) Puritanism, pietism, and science. *The Sociological Review*, 28(1), pp. 1–30. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1936.tb01317.x>

Merton R. K., (1938). *Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England*. New York: Howard Fertig.

Merton R. K. (2007) On Sociological Theories of the Middle Range. In C. Calhoun (Ed.), *Classical Sociological Theory* (pp. 448–459). Waltham, MA: Blackwell.

Mol A., Law J. (1994) Regions, networks and fluids: Anaemia and social topology. *Social studies of science*, 24(4), pp. 641–671. <https://doi.org/10.1177/030631279402400402>

Riley M. W., Merton R. (Ed.) (1963) *Sociological Research*. Vol. 1. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Sapiro G (2022). Structural crises vs. situations of (political) crisis. *Rassegna italiana di Sociologia*, LXIII (2), pp.299–321. <https://dx.doi.org/10.1423/104930>

Shapin S. (1984) Pump and circumstance: Robert Boyle's literary technology. *Social studies of science*, 14(4), pp. 481–520. <https://doi.org/10.1177/030631284014004001>

Shapin S. (1988) Understanding the Merton thesis. *Isis*, 79(4), pp. 594–605. <https://doi.org/10.1086/354847>

Shapin S., Schaffer S. (2011) *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton University Press.

Wacquant L. (2004) Following Pierre Bourdieu into the field. *Ethnography*, 5(4), pp. 387–414. <https://doi.org/10.1177/1466138104052259>

68 Wacquant L. (1989) Towards a Reflexive Sociology: A Workshop with Pierre Bourdieu. *Sociological Theory*, 7, pp. 26–63. <https://doi.org/10.2307/202061>

Об авторе / About the author

Волкова Наталия Алексеевна — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ). Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. E-mail: chestrek@gmail.com

Natalia A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics). Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. E-mail: chestrek@gmail.com